

Мартин Хайдеггер, из «Изречения Анаксимандра», пер. Т.В. Васильевой

Что же, однако, коль скоро изреченное этого изречения мы слышим как такое “однажды”, связывает нас в попытке его перевести? Как нам достичь изреченного в этом изречении, чтобы перевод был сохранен от произвола?

Мы связаны языком этого изречения, нашим родным языком, мы связаны с двух сторон существенным образом и в речи и в постижении ее существа. Эта связанность простирается дальше и она сильнее, но также и неприметнее, чем нормативность всякого филологического и научно-исторического факта, который имеет свою фактичность лишь как ленное право от нее. Пока мы не постигнем эту связанность, любой перевод этого изречения должен казаться чистым произволом. В том же случае, когда мы связаны изреченным этого изречения, не только перевод, но и сама эта связанность сохраняет видимость известного насилия. Равно как испытывает неизбежное насилие и то, что надлежит здесь услышать и сказать.

Изречение мышления поддается переводу лишь в собеседовании мышления с его изреченным. Мышление, однако, есть стихослагание, причем не только некий род поэзии в смысле стихотворчества или песнопения. Мышление бытия есть изначальный способ стихослагания. В нем прежде всего речь только и приходит к речи, а это значит — приходит в свое существо. Мышление сказует диктат истины бытия. Мышление есть изначальное *dictare*. Мышление есть прапоэзия, которая предшествует всякому стихотворчеству, равно как и всякому поэтическому в искусстве, поскольку то выходит в творение внутри области речи. Всякое стихослагание, в этом более широком и более тесном смысле поэтического, в основании своем есть мышление. Стихослагающее существо мышления хранит силу истины бытия. Поскольку мыслящий перевод тем самым стихослагает, стихотеснит, постольку перевод, которым могло бы высказаться это древнейшее изречение, оказывается необходимо насильственным.

Ханна Арендт, из интервью 1964 г.

- Что же остается? Остается язык.
- И это для Вас много значит?
- Да, очень много. И я всегда сознательно отказывалась утратить свой собственный язык. Я всегда сохранялся определенную дистанцию по отношению к французскому языку, на котором я говорила очень хорошо, и к английскому, на котором я теперь пишу.
- Да, я об этом тоже хотел спросить. Вы пишете на английском?
- Я пишу на английском, но... я все время чувствую дистанцию. Есть чудовищная разница между родным языком и любым другим языком. Для себя я бы так сказала: на немецком я помню огромное количество стихов, они все время вертятся у меня в голове, *in the back of my mind*. И это, конечно, нельзя воспроизвести.